
**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ,
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

УДК 32.01:329(470+571)

ББК 66.04+66.69(2)

DOI 10.22394/1682-2358-2021-6-4-11

А.Е. Клычков, Governor of the Oryol region, Government of the Oryol region, Oryol, Russian Federation

INTEGRATION OF COUNTER-ELITES: REGIONAL BRANCHES OF OPPOSITION PARLIAMENTARY POLITICAL PARTIES IN THE SYSTEM OF POWER IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Activity of regional branches of oppositional parliamentary political parties in the subjects of the Russian Federation, integration of their leaders and assets into the system of power is considered. The interrelation of Russian Federation political parties functioning with formation and development of regional party systems is revealed.

Key words and word-combinations: political parties, party of power, opposition parties, elite and counter-elite, subjects of the Russian Federation, regional party systems.

А.Е. Клычков, губернатор Орловской области (email: Klyckov57@mail.ru)

ИНТЕГРАЦИЯ КОНТРЭЛИТЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РФ

Аннотация. Рассматривается деятельность региональных отделений оппозиционных парламентских политических партий в субъектах РФ, исследуется интеграция их лидеров и актива в систему власти. Выявлена взаимосвязь функционирования политических партий Российской Федерации со становлением и развитием региональных партийных систем.

Ключевые слова и словосочетания: политические партии, партия власти, оппозиционные партии, элита и контрэлита, субъекты РФ, региональные партиомы.

Прошедшая в сентябре 2021 г. избирательная кампания в Российской Федерации, связанная с выборами депутатов Государственной Думы, губернаторов и депутатов законодательных собраний субъектов РФ, показала значимость политических партий как одного

из влиятельных институтов политической системы страны. При этом подчеркнем логичность и обоснованность усиления влияния партий в политической системе России. Такое влияние базируется, с одной стороны, на последовательном развитии «партийного» законодательства, с другой стороны, на востребованности лидеров и актива политических партий в системе власти. Власть, которая культивируется, в том числе и как договор, обязательство сторон, как закон [1, с. 46]. Отметим также, что политический тренд масштабной интеграции кадрового партийного ресурса в исполнительную и законодательную (представительную) ветви власти появился после 2012 г. (либерализации некоторых элементов политической системы). Интеграция части партийных лидеров (в особенности, представителей контрэлиты) имела целью перенос ее активности с «улицы» на площадки обсуждения, нахождения консенсуса и принятие решений как на общенациональном, так и на региональном уровне.

Одна из важнейших функций политических партий — борьба за власть. Еще сто лет назад немецкий социолог и политолог М. Вебер, типологизируя политические партии, выделял аристократические группировки (либералы и консерваторы в Англии), политические клубы (французские партии), современные массовые партии. М. Вебер высказал предположение, актуальное и в условиях современной России, что институциональная среда побуждает политические партии трансформироваться.

Основной вопрос будущего, отмечал немецкий мыслитель, состоит в том, как будет выглядеть позиция политической партии и ее программа действий. К примеру, примет ли верх воля лидеров и актива партий в государственной власти или же возымеют в ее политическом поведении конфликтные деструкции? В числе деструкций могут быть неполитическая эстетика классового братства, протесты и революции, стремительно развивающийся синдикализм [2, с. 145]. Выделенные М. Вебером политические тренды развития партий и национальных партиом (партийных систем) подчеркивают возможные треки для партий, а именно партии в пространственно-временном континууме вынуждены делать выбор между конвенциональными и неконвенциональными методами политической борьбы, между возможностью интеграции в системы власти и нелегитимными формами конкуренции, которые приводят, как правило, к формированию внесистемной оппозиции.

В период 1990—2000-х годов политические партии России, выступая частью национальной элиты или контрэлиты, делали подобный выбор в отношении того, чтобы либо стать этой властью, либо одним из ее элементов. Более того, у контрэлиты всегда существует шанс стать частью элиты (с франц. — «лучшее, «отобранное»), которая в национальных государствах «превращается в институт-процесс» [3, с. 11], формируя

в той или иной мере меритократическую систему и управляя государством благодаря партиям, демократическим процедурам и избирательным кампаниям. В постсоветских политических условиях сформировалась следующая дихотомия в партийной системе: «партия власти» (в 1990-е годы — «Демократический выбор России», «Наш дом — Россия», «Единство»; в 2000-е годы — «Единая Россия») и оппозиционных политических партий — парламентских и внепарламентских.

Процесс выбора модели поведения политических партий характерен не только для России, но и для абсолютного большинства национальных государств. К примеру, главным социальным назначением политических партий Франции, которые могут даже не регистрироваться, считается то, чтобы они должны были бы способствовать выражению политических предпочтений в ходе электоральных процедур. Таким образом французский политический ландшафт постоянно видоизменяется, в особенности во время подготовки и проведения парламентских и президентских выборов [4, с. 547]. Следует отметить, что некоторые партии максимально учитывали интересы избирателей («Республиканцы», Социалистическая партия», партия «Вперед, Республика!» и др.); другие партии и движения стремились прежде всего быть частью народа, не пытаясь войти во власть для изменения не устраивающей их политики — к примеру, активно протестующие в 2018—2021 гг. антиистеблишментские группы «желтых жилетов».

Для парламентских политических партий Российской Федерации как на федеральном, так и на региональном уровне, характерны действия (акции), предполагающие конфликт (соперничество) элиты и контрэлиты, или заключение политических сделок (транзакций) и проведение совместных действий (сотрудничество). Конфликт логично вытекает из утверждения Ф. фон Хайека о том, что вся история развития политических структур и рыночных учреждений есть история непрерывной конкуренции. Более того, действия конкретных акторов (групп) направлены на то, чтобы использовать правительственный аппарат для удовлетворения собственных интересов и помешать другим группам реализовывать свои интересы [5, с. 174].

Иными словами, при проведении конкурентных избирательных кампаний элита и контрэлита посредством партий участвует в конкурентной борьбе за обретение политических ресурсов. Основа такой конкуренции элиты и контрэлиты — общенациональная избирательная система. Избирательная система тесно связана с процедурой голосования. В условиях капиталистической демократии, полагает К. Эрроу, существуют «два основных способа коллективного выбора: голосование, обычно используемое для принятия политических решений, и рыночный

механизм, обычно используемый для принятия экономических решений» [6, с. 15]. Весомый шаг в теорию голосований был сделан К. Эрроу еще в 1951 г., когда он сформулировал условия, которым, казалось бы, должна удовлетворять любая разумная процедура голосования.

М.Н. Руткевич, исследуя социально-экономические и политические противоречия после проведенных институциональных изменений (экономических и политических реформ 1990-х годов) в постсоветской России, также обращает внимание на объективное существование проблематики конфликта. Более того, за конфликтом, полагает он, всегда стоят определенные силы, заинтересованные либо в продолжении дальнейших изменений (реформ), либо в их консервации. Кстати, работа М.Н. Руткевича «Общество как система», опубликованная в 2001 г., стала неким научным отражением болезненных институциональных изменений, конфликтов между различными политическими силами России, включая функционировавшие политические партии. М.Н. Руткевич, исследуя сущность конфликта, подчеркнул, что он «возникает вместе с осознанием людьми объективно существующего противоречия в их интересах и превращает их в субъекты социального действия» [7, с. 334]. Таким образом, трансформирующие под условия институциональной среды начала 2000-х годов политические партии Российской Федерации как элементы партийной системы были одновременно и носителями конфликта, и идеями интеракционизма в достижении поставленных перед собой целей в демократическом и конкурентном процессе в сфере политики.

Несмотря на наличие высокой конкуренции среди парламентских политических партий в регионах Российской Федерации, являющихся ареной борьбы элиты и контрэлиты, региональные отделения партий вступают в процесс взаимодействия (интеракционизм) между собой. Такой процесс сотрудничества представляет фактическую альтернативу партийно-политического соперничества региональных акторов.

В таком контексте можно выделить три ключевых направления взаимодействия элиты и контрэлиты. При этом изначально важно отметить объективную основу сотрудничества отделений партий на региональном уровне. Это символический интеракционизм (первое направление), который, по убеждению социолога и политолога Дж.Г. Мида, ориентирован на предпочтительную ценностно-символическую систему, принимаемую другими, ради общего понимания [8, с. 121] существующих реалий. В данном случае как для региональной элиты («Единая Россия»), так и для контрэлиты (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») ценности исторической памяти предков, суверенитета страны, сильного государства, традиционной семьи всегда являлись символической основой партийного взаимодействия.

Второе направление — участие оппозиционных парламентских политических партий в формировании территориального законодательства и производстве региональной государственной политики. В период 2010-х годов параллельно с созданием благоприятных законодательных условий для деятельности политических партий в России происходит реальная интеграция лидеров и актива парламентских политических партий в процесс принятия решений. В основе усиления влияния региональных отделений партий лежат принятые федеральные меры о поддержке данного института. Наиболее важные из них: 1) бюджетное финансирование партий по формуле 152 руб. за каждый голос, поданный за партию на выборах в Госдуму, преодолевшую 3%; 2) принятая поправка к Конституции РФ, расширяющая права депутатов Госдумы, являющихся, как правило, членами парламентских фракций, при утверждении министров Правительства РФ.

Законодательное усиление роли политических партий в политической системе страны стало существенным мотивом для их региональных отделений на выборах в законодательные собрания субъектов РФ. К примеру, в период с 2017 по 2021 г. в семнадцати областях ЦФО возросла не только политическая конкуренция, но и произошло увеличение доли депутатов, представляющих оппозиционные парламентские политические партии (таблица). Во многом это стало возможным при наличии в региональном законодательстве положений о смешанной системе выборов депутатов: по одномандатным округам и по партийным спискам. В это же время в региональных парламентах стала складываться распространенная в политической традиции Запада модель «железного треугольника», которая интегрирует в производство региональной политики исполнительную власть субъекта РФ, комитеты региональных парламентов и представителей групп интересов. По оценке политолога Х. Хекло, модель «железного треугольника» представляет собой некий институт социального контроля избирателей, воздействующих на правительственные структуры власти [9, с. 732].

Практики «железного треугольника», реализуемые в регионах Российской Федерации с участием представителей контрэлиты, достаточно удачно интегрируются в модель мониторинговой демократии, которую разработал британский ученый Дж. Кин. В этом случае отправляющие власть политики и государственные структуры, как правило, подчинены гражданскому мониторингу и публичной критике, осуществляющейся целым спектром парламентских и внепарламентских организаций [10, с. 106]. Западный политолог Ф. Закария, рассматривая взаимодействие элиты и контрэлиты в рамках проходящих электоральных кампаний, рекомендовал не отождествлять свободные выборы со справедливым

политическим устройством государств. Кроме того, по его мнению, демократия — не самоцель и не идеал. В последнем случае демократическую систему правления Ф. Закария не считал абсолютным благом, поскольку она может быть и нелиберальной. Исследователь отнес две крупные державы в мире (Россию и Китай) к числу нелиберальных демократий [11, с. 89].

Количественные показатели представительства политических партий в региональных законодательных собраниях областей ЦФО

Область	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	Новые люди	Другие	Всего
Белгородская область	44	4	1	0	0	1	50
Брянская область	48	4	5	2	0	1	60
Владимирская область	22	6	3	3	0	2	38
Воронежская область	48	4	2	1	0	1	56
Ивановская область	15	7	2	2	0	0	26
Калужская область	29	3	2	3	2	1	40
Костромская область	24	2	1	2	1	5	35
Курская область	31	7	2	2	1	2	45
Липецкая область	23	15	1	1	1	1	42
Московская область	36	7	2	3	1	0	50
Орловская область	27	11	3	6	1	2	50
Рязанская область	29	2	3	3	1	1	40
Смоленская область	26	12	6	2	0	2	48
Тамбовская область	43	3	1	1	0	3	51
Тверская область	29	5	3	2	0	1	40
Тульская область	25	2	2	2	0	5	36
Ярославская область	32	11	3	3	0	1	50

Третьим направлением интеграции контрэлиты стало включение лидеров и актива оппозиционных парламентских политических партий в структуры администраций (правительств) субъектов РФ. Вследствие этого логично представить общую периодизацию формирования исполнительной власти субъектов РФ 2000-х годов с учетом партийного фактора.

Первый период (2000—2004 гг.) — всенародное избрание глав регионов без административно-организационных ограничений и формирование региональных команд на основе достигнутых договоренностей с политическими оппонентами.

Второй период (2005—2012 гг.) — назначение глав регионов Президентом РФ и формирование региональных команд на основе рекомендаций федерального центра.

Третий период (2013—2021 гг.) — всенародное избрание глав регионов с наличием муниципального фильтра для кандидатов и формирование региональных команд на основе договоренностей политических оппонентов.

С 2013 г. на региональном уровне сложилось два формата формирования органов исполнительной власти с участием политических партий. Первый формат представляет собой конструкцию, когда исполнительную власть возглавляет глава региона — член партии «Единая Россия». При этом, в ряде регионов губернаторы, являющиеся членами «партии власти», включают представителей контрэлиты в структуры региональной исполнительной власти. Второй формат, когда в рамках политической конструкции субъектом РФ руководит глава региона, принадлежащий к оппозиционной парламентской политической партии (КПРФ, ЛДПР, СПЗП).

В рамках второго формата реализовывался следующий сценарий. Президент РФ назначал врио главы региона представителей оппозиционных парламентских политических партий (КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России»), которые проходили процедуры всенародных выборов руководителя территории, избирались, вступали в должность и формировали региональное правительство. Такой формат реализовывался в Забайкальском крае (К. Ильковский — «Справедливая Россия»), Орловской области (В. Потомский — КПРФ), Смоленской области и Хабаровском крае (А. Островский, М. Дегтярев — ЛДПР) и в ряде других регионов. Более того, после избрания и переизбрания А. Островского губернатором Смоленской области на данной территории был осуществлен эксперимент по созданию коалиционного правительства, в рамках которого работали представители «партии власти» («ЕР») и оппозиции (КПРФ).

Конкурентный избирательный процесс на российских территориях содержал для контрэлиты еще один сценарий политического участия, когда представители оппозиционных парламентских политических партий побеждали на выборах кандидата реальных возможностей от партии «Единая Россия», становясь главами регионов и реализуя на практике свои избирательные программы. Такие примеры были характерны для Иркутской области (губернатор С. Левченко — КПРФ) и для Владимирской области (губернатор В. Сипягин — ЛДПР). Таким образом, функционирующий в стране политический режим имел

еще одну возможность для интеграции контрэлиты в систему власти, общенациональной и субнациональной. В целом, на наш взгляд, такой сценарий является достаточно перспективным в плане политического развития страны и ее регионов.

Резюмируя изложенное, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, в постсоветской России, особенно с 2013 г., идет процесс системного развития института политических партий. При этом региональные отделения парламентских политических партий, в том числе оппозиционные, имеют качественные институциональные условия для политической конкуренции и интеграции в систему власти. Во-вторых, парадигма соперничества-сотрудничества для региональных отделений политических партий, включая интеграцию части контрэлиты после успешно проведенной электоральной кампании в системы законодательной и исполнительной власти, способствует устойчивости и стабильности региональных политических систем. В-третьих, основными формами взаимодействия «партии власти» (элиты) и оппозиционных политических партий (контрэлиты) в субъектах РФ становится следующее: символический интеракционизм; участие представителей политической контрэлиты в функционировании модели «железного треугольника»; интеграция части контрэлиты в систему исполнительной власти.

Библиографический список

1. Марков Б. Понятие политического. М., 2007.
2. Вебер М. Власть и политика / пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова; вст. ст. А.Ф. Филиппова). М., 2017.
3. Бирнбаум П., Барук Ш., Беллэши М., Марие А. Французский правящий класс / пер. с франц., общ ред. И.М. Бунина. М., 1981.
4. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: в 4 т. Т. 1: Европа / гл. ред. А.В. Торкунов; науч. ред. А.Ю. Мельвиль. М., 2009.
5. Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева под ред. А. Куряева. М., 2016.
6. Эрроу К.Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности / пер. с англ.; науч. ред, авт. предисл., послесл. Ф.Т. Алескеров. М., 2004.
7. Руткевич М.Н. Общество как система: Социологические очерки. СПб., 2001.
8. Мид Дж.Г. Философия настоящего / пер. с англ. В. Николаева, В. Кузьмина под ред. А.И. Мерфи. М., 2014.
9. Hecko H. Thinking Institutionally // Political Institutions / R.A.W. Rhodes, Sarah A. Binder, Bert A. Rockman. Oxford: University Press, 2006. P. 731–742.
10. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина под науч. ред. А. Смирнова. М., 2015.
11. Закарня Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2004.